

В.Н.Настич

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО МОЛОДОГО УЧЁНОГО

Неисповедимы пути редакторские.

Мне уже не раз приходилось рассказывать, какие бывают опечатки, откуда они берутся и как трудно с ними бороться, даже если это твой Очередной Печатный Труд, вымученный неделями бессонных ночей, который ты, благодаря Особым Отношениям с Твоим Издательством (о чём тоже стоит поговорить отдельно), можешь отследить буквально от авторского портфеля до печатного станка.

И всё же То, о Чём мне хочется рассказать сегодня — тема отдельной «истории болезни».

Сегодня речь пойдёт о некоей субстанции, которая в народе обычно называется нуль (или, если хотите, ноль), — в данном случае о Лишнем Нуле. То есть не о том нуле, который обозначает отсутствие «чего-то» или наличие «ничего», а просто о типографском знаке, похожем на букву О.

Выплыл этот Лишний Нуль при наборе моей публикации серебряного клада XIII века из Южного Казахстана¹, из-за чего 30 (тридцать) обломков монет в этом кладе не только превратились в 300 (триста), но так этими тремястами и остались, несмотря на отчаянную борьбу с насмерть заговорённым Лишним Нулём.

К слову сказать, это был славный Год Восьмидесятый — с его очередными Пышными Юбилеями, Московской Олимпиадой, Лучшим в Мире Застоем и проч. А встречал и провожал я его в не менее славном городе Алма-Ате — тогдашней столице солнечного Казахстана, где мне посчастливилось родиться и куда я вернулся после окончания Ленинградского университета и службы в армии, чтобы положить свои недорастраченные силы и недополученные знания на алтарь региональной исторической науки в гостеприимных стенах тамошней Академии Наук.

Но, пожалуй, стоит изложить всё по порядку, иначе многое в моём рассказе будет непонятно.

¹ К.М. Байпаков, В.Н. Настич. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). — Алма-Ата, 1981, с. 20–62, илл.

Сначала я увидел Лишний Нуль в так называемых гранках — длинных листах распечатки ещё не свёрстанного набора будущей публикации, которые мне по моей приватной просьбе любезно предоставили работницы типографии, — кстати, вовсе не обязанные оказывать авторам такую неофициальную и в общем не предусмотренную рабочим процессом услугу. Пометив этот Лишний Нуль специальным знаком выноски вместе с остальными замеченными опечатками, я с чувством облегчения и честно исполненного долга сдал гранки обратно в типографию.

* * *

Через несколько дней на мой стол легла вёрстка всего сборника, уже прошедшая Профессиональную Редактуру.

Ужаснувшись тому, что оказалось на месте моего авторского текста, я провёл первую вычитку (детали предпочту опустить: кратко не получится, а подробно будет слишком эмоционально), потом спустился на один этаж, вошёл в Кабинет Редактора и возразил, — как выяснилось позднее, крайне непредусмотрительно, — против произвольной и в целом неприемлемой (в силу смыслового искажения текста) правки, внесённой в мой текст нашей Издательской Редактрисой — незабвенной Н.Н.К.² Такая опрометчивость стоила мне как минимум трёх долгих, но практически бесплодных сидений за общим столом с выслушиванием Глубокомысленной Лекции о том, как именно надлежит писать работы о кладах восточных монет.

Здесь я позволю себе ещё одно небольшое «лирическое» отступление, без которого, боюсь, общая картина будет и неполной, и не во всём понятной.

Представьте, уж более четверти века минуло с тех пор, а Ф.И.О. этой редактрисы, непонятно зачем, сидит в памяти до сих пор... Возможно, ещё и потому, что это та же самая Н.Н., которая в другой моей статье требовала указать выходные данные в ссылке на текст Корана — полное название (!), место и год издания (!!), ну и, естественно, страницу, с которой взята цитата (!!!). Для тех, кто не понял, о чём речь, поясню: текст Корана давно канонизирован, число его отдельных изданий по всему миру (и, соответственно, разных выходных данных) на сегодняшний день, вероятно, исчисляется сотнями тысяч, а общий тираж давно перевалил за милли-

² Имя и фамилию Н.Н. я по понятным причинам называть не буду.

ард, поэтому и типографский формат, и, соответственно, распределение текста по страницам у него бывают самыми разными, да и традиционных титульных названий по меньшей мере три — просто «Коран» (араб. القرآن *ал-Қур'ән*, букв. «чтение»), قرآن كريم *Қур'ән карім* «Благородное чтение» и كلام شريف *Калām шарйф* «Священное Слово» (иначе «Достоцитимое», или же ещё один синоним понятия «Благородное»), но в самом тексте различия не допускаются по определению, поэтому ссылки на него, как на Библию и Евангелие, уже давно даются так: Коран, [номер суры] : [номер аята] — и больше ничего. Так вот, чтобы доказать этой Высокопрофессиональной Исправительнице наших недостойных трудов, что указывать полные выходные данные на цитату из Корана, как сейчас говорят, неспортивно, мне пришлось перетаскать ей десятка полтора советских и зарубежных публикаций с подобными ссылками. Жаль, что я не запомнил, на каком именно издании она «сломалась», но это точно был не многотомник «Сочинений» академика В.В. Бартольда...

Короче, я далеко не сразу, но всё же осознал, что тут ловить нечего. Оставив попытки убедить Н.Н. в том, что не только Редактор, но и автор тоже кое-что понимает в нумизматике, я решил дождаться второй корректуры, где всю первичную версию текста мне пришлось буквально по кусочкам восстанавливать заново.

Понятное дело, эта корректура снова попала к Н.Н., и все до последнего мои исправления были снова сняты, а её «корректизмы» втянуты назад в текст.

В то время, надо вам сказать, вторая авторская вычитка, в общем, не практиковалась, потому что считалось, что работы с первой корректурой для учёного автора вполне достаточно, поскольку дальше действуют не менее опытные, а главное — куда более грамотные и идейно подкованные бойцы полиграфического фронта. Мой труд могло спасти лишь то, что к тому времени я уже был вхож в нашу академическую типографию, потому что регулярно набирал там арабские вставки для своих статей и для работ других грамотеев, и к тому же фактически был научным редактором данного сборника в целом.

Короче, мне снова удалось выбросить наиболее «эффектные» из великоредакторских помет, которые нарушали смысл, и восстановить свою правку — в той самой неофициальной второй корректуре.

* * *

Но не тут-то было.

Н.Н. прознала о моих закулисных телодвижениях и громко шепнула кому надо, что какой-то сопляк нагло игнорирует Заслуженного Редактора с километровым стажем и тем самым злонамеренно задерживает выпуск сборника и срывает их квартальный производственный график.

После чего меня, натурально, вызвали на ковёр.

Наверно, мне сильно повезло, что в тот момент Директор нашего Института, достопочтенный Акай Нусупбекович по какой-то причине отсутствовал, и моим «ковёрным» оказался не он, а его бессменный и всеми глубоко уважаемый Заместитель директора по науке Григорий Фёдорович Дахшлейгер — доктор, член-корреспондент и пр.; хотя понятно, что на моей бывшей родине такая фамилия, особенно на фоне *Щена*³ с фамилией Нусупбеков, куда больше, чем любые звания и титулы, может сказать о том, кто реально руководил научной работой Института.

В общем, Г.Ф. моментально понял, какой из меня Дон Кихот, и только благодаря своему гранитному авторитету смог прекратить вивисекцию и над моим текстом, и над его автором, да и над нашим сборником в целом.

* * *

Однако наивно полагать, что на этом всё кончилось.

Среди прочих несуразностей, ошибок и опечаток, с которыми я к тому времени боролся уже, помнится, недели три, а то и целый месяц, были те самые 300 (триста) обломков серебряных монет, оказавшиеся в описании клада, который я публиковал. На самом деле их было всего 30 (тридцать), но даже ежу понятно, что в то время я, как автор публикации Серебряного Клада, принадлежавшего Советскому Государству, хотя и чисто теоретически, но в принципе мог понести серьёзную материальную ответственность за «остальные» 270 (т.е. понятно — 300 «случайных» минус 30 реальных), которые в дальнейшей статистике, естественно, не учитывались, поскольку в реальности не существовали.

Только не надо думать, что это просто моя излишняя мнительность, вызванная затянувшимся стрессом или «глюком» памяти...

Уже какое-то время спустя, когда все беды и мытарства были позади, а несчастный сборник даже среди специалистов начал по-

³ Особенности казахской фонетики: так на местном наречии, ласково и в меру подобострастно, именовался **шеф**.

немного забываться, из уст одного моего «коллеги»-аборигена прозвучало не только это предположение, но и гениальная ремарка: а может быть, те 270 «пропавших» обломков, которых читатель недооценивается, были не обломки, а целые монеты? Куда же они делись?

Дальше можно не продолжать: на риторические вопросы альтернативных ответов не бывает. Но ведь заметил же, Бдительный Товарищ, и даже не поленился пересчитать!

Видимо, я предчувствовал и такое развитие событий, поскольку продолжал сражаться с мельницами, несмотря на явный перевес сил «на той стороне», невидимых и поэтому непобедимых.

Бог знает откуда взявшийся Лишний Нуль был неистребим. Я вычёркивал его из всех корректур. Я спускался в типографию и стоял за спиной линотипистки, чтобы убедиться, что при очередной переборке она не втащила его назад. Я следил, чтобы он опять не проскочил в злополучную полосу при замене строки. Когда он всё-таки появился снова, я сам встал за реал и собственноручно выстругал его из линотипной отливки — уже в последней вёрстке, после чего она должна была идти прямо в раскладку на печатный станок и более никуда. И что вы думаете?

Правильно.

Когда пришёл сигнальный экземпляр (а это означает, что тираж уже отпечатан), Он Там Стоял! Гордо и несокрушимо.

... Пару лет спустя я случайно узнал, что последнюю подчитку у них на всех этапах делала молоденькая, но страшенькая на вид казашка, работавшая в типографии между школой и замужем (причём этот последний всё никак не наступал), и при каждой подчитке она старательно втягивала назад этот, прошу прощения, долбаный нуль, потому что всё время сверяла его со своим экземпляром направленной распечатки первой корректуры — даже тогда, когда остальную правку уже сверять устала...

Короче, дело кончилось тем, что теперь уже я поднял крик, долетевший до самого Вице-Президента Академии Казахских Наук, и, невзирая на убытки издательства и окончательно порушенный график выпуска, настоял на том, чтобы изготовили «флажок» (отдельную листовочку со списком опечаток, которая потом вклеивается или просто вкладывается в каждый экземпляр издания), поскольку на выдирку, т.е. механическое изъятие целой страницы с ошибкой — во всём тираже в 1500 экземпляров! — и вклейку на её

место новой страницы без ошибки никто уже просто не мог согласиться. Кстати, список опечаток — это не фигурально, а на самом деле: нетрудно догадаться, что при такой организации производства, да ещё в сборнике, где печатаются несколько разных авторов, неизбежно обладающих разным уровнем аккуратности и грамотности, в конце концов остался невыправленным да-а-алеко не один только мой Неискоренимый Нуль.

Последний штрих: «флажок» я, естественно, набирал сам, печатали его в моём присутствии, а кто раскладывал его в сборник (правда, несколько меньше, чем 1500 экземпляров, поскольку часть тиража уже лежала в продаже) — можно угадать и меньше чем с трёх раз...

* * *

... Ну чем не сюжет для Залмана Кинга?

P.S. Все имена, упомянутые мною, как и инициалы достославной Н.Н.К., абсолютно подлинные и принадлежат реальным историческим лицам. Беру на себя смелость полагать, что по прошествии стольких лет они того заслуживают. Только не могу вспомнить точно, как звали ту молоденькую казашку-подчитчицу, чья беспримерная старательность почему-то вселяет надежду на великое и достойное будущее моих бывших земляков. Впрочем, в памяти смутно мерцает ласковое имя *Карлыгаш*, что по-казахски значит «Ласточка»...